

В. В. Понарядов (Сыктывкар)

Об инверсии удмуртского сказуемого

Для удмуртского языка в общем характерно размещение сказуемого в абсолютном конце предложения. Нередко встречающиеся отклонения от этого правила принято трактовать как результат интерференции, перенесения в удмуртскую речь норм русского языка.

Когда-то пользовалась популярностью теория о благотворности этого процесса. Предполагалось, что старый удмуртский порядок слов в недостаточной мере приспособлен к прогрессу. Перестройка его по русским моделям рассматривалась не как утрата самобытности, а как рост выразительных возможностей языка [Жуйков 1937: 18; Булычев 1947: 43].

В настоящее время возобладала также имеющая давние корни [Глезденев 1921: 45] альтернативная точка зрения, согласно которой передвижение сказуемого к началу удмуртского предложения – это словопорядковая ошибка, нарушающая языковые нормы, и ее должно избегать. В одной из новейших грамматик читаем:

“Как показывают наблюдения, синтаксис удмуртского языка (наряду с лексикой) наиболее подвержен влиянию русского языка. Ошибки в расположении слов, вызванные влиянием русского языка, можно сгруппировать следующим образом:

1. Постановка глагола-сказуемого в удмуртском предложении в позицию перед дополнением, как в русском языке. Например: *Со вала улонзэ нюлэслэсь* (из работ учащихся). Правильно: *Со нюлэслэсь улонзэ вала*. ‘Он понимает жизнь леса’. *Конкурсэ*

пыриськыны мылкыд карисьёс нырысь ик гожтызы реферат (газ. “Удмурт дунне”). ‘Желающие участвовать в конкурсе сначала написали реферат’. Дополнение реферат должно стоять перед сказуемым.

2. Постановка подлежащего после группы именного составного сказуемого, чем нарушается смысл передаваемого: Сюдйсь-вордйсь луиз пенсионер (газ. “Удмурт дунне”). “Кормилец стал пенсионером”. Однако корреспондент хотел обозначить другое: ‘Пенсионер стал кормильцем’” (цитируется по: [Каракулова, Каракулов 2000: 27]).

Обратим внимание на последний пример. Если бы порядок слов в удмуртском предложении был заимствованным из русского языка, логично было бы ожидать, что фразу можно будет перевести на русский язык дословно. Между тем полученный таким образом русский перевод обнаруживает значительные смысловые искажения по сравнению с исходным текстом, для ликвидации которых русские слова надлежит расположить в прямо противоположном по сравнению с удмуртским оригиналом порядке. Отсюда следует вывод: гипотеза о том, что вынос сказуемого в начало предложения обусловлен в данном случае русским влиянием, не верна.

Искать объяснение этому явлению следует во внутренних закономерностях удмуртской языковой системы. Помещение сказуемого в конец предложения в удмуртском языке – это частное проявление общих словопорядковых закономерностей SOV-типологии, которую более последовательно репрезентируют самодийские, тюркские, монгольские языки. Однако все они в определенных случаях допускают отклонения от этого образца. Передвижение сказуемого, в том числе именного, к началу предложения в последовательных SOV-языках имеет место вследствие выноса в абсолютный конец предложения логически безударных тематических членов, обычно в условиях эмпазы: др.-тюрк. *Altun qanatlyq qara quş män* ‘Я – хищная черная птица с золотыми крыльями’ [Малов 1951: 80]; ср.-монг. *ariyun bi tengri* ‘свят (есть) тенгри’ [Поппе 1938: 106]; тур. *Onlari da indirdiler tramvaydan* ‘Их тоже высадили из трамвая’ [Кузнецов 1989: 35].

Удмуртские предложения *Сюдйсь-вордйсь луиз пенсионер; Со вала улонзэ нюлэслэсь* ничем не отличаются по построению от указанных тюркских и монгольских примеров. Помещение сказуемого в их начале или середине объясняется не перенесением

норм русского языка, а действием внутренних закономерностей SOV-типологии.

Однако в удмуртском языке распространены также случаи, когда после сказуемого оказывается рематическая часть предложения, ср. вышеприведенный пример: *Конкурсэ пырыськыны мылкыд карисьёс нырысь ик гождізы реферат*. Здесь влияние русского языка, где такой порядок слов является нормой, действительно вероятно. Тем не менее, исключить исконно удмуртское происхождение этого явления также нельзя. Материал нганасанского, азербайджанского и некоторых других языков свидетельствует, что подобная словопорядковая модель может развиваться в рамках SOV-языков без постороннего влияния [Понарядов 2001: 59–61]. Во всяком случае, она хорошо освоена удмуртским языком, и вряд ли, в настоящее время может рассматриваться как нарушающий его систему элемент.

Таким образом, можно констатировать, что расположение удмуртского сказуемого никогда не ограничивалось позицией в абсолютном конце предложения. Наряду с этой наиболее распространенной моделью существуют другие, которые также являются неотъемлемой частью удмуртской языковой структуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Булъчев М. Н. Порядок слов в удмуртском простом предложении. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1947.

Глезденев П. П. Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка: Изд. Вят. губ. отд. Госиздата, 1921.

Жуйков С. П. Основы грамматики удмуртского языка. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1937.

Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Глазов, 2000.

Кузнецов П. И. Порядок слов в простом предложении турецкого языка // Очерки типологии порядка слов. М., 1989.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951.

Понарядов В. В. Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении (простое предложение). Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2001.

Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. I–II. Труды института востоковедения, XIV. М.; Л., 1938.